

На следующее утро Шэнь Цинчи проснулся от невыносимой жары.

Он с ужасом осмотрел плотно натянутое одеяло и наглухо закрытые окна и двери спальни. Кто это сделал?!

Вчера вечером перед сном он специально откинул одеяло, обнажив большую часть тела, и оставил дверь и окна открытыми. Он надеялся, что насквозь продрогнет от ночного ветра и дождя, простудится, поднимет температуру, и тогда у него появится законный повод задержаться в доме Шэнь Фана.

Но что произошло сейчас?

Лицо Шэнь Цинчи скривилось. Он приподнялся, коснулся лба — кожа была прохладной. О какой лихорадке могла идти речь? Ему даже стало жарко.

В доме, кроме него, никого не было, кроме Шэнь Фана. Выходит, это он укрыл его одеялом... Да уж...

Шэнь Фан встал посреди ночи, чтобы укрыть его?

Шэнь Фан... укрывает одеялом...

Не в силах поверить в происходящее, Шэнь Цинчи в ступоре поднялся с кровати, умылся и, выйдя из комнаты, почувствовал манящий аромат еды.

Он остолбенел, наблюдая, как Шэнь Фан выходит из кухни, развязывает фартук и ставит на стол только что поджаренную яичницу с беконом: «Ешь».

Молоко, грецкие орехи, фартук... Образ Шэнь Фана, сложившийся у него в голове, рушился и выстраивался заново.

Шэнь Фан никак не отреагировал на его удивление. Он молча сел и пододвинул к Шэнь Цинчи бутылку свежего молока: «Пей».

Бутылка была всего одна, на стекле от холода выступили мелкие капельки влаги.

Шэнь Цинчи поспешно замахал руками: «Нет, не нужно, я вчера вечером уже пил — ту, что была в холодильнике. Я увидел, что срок годности подходит к концу, поэтому...»

Он вернул бутылку Шэнь Фану: «Лучше ты выпей».

Увидев отказ, Шэнь Фан не стал настаивать и принялся за свой сэндвич: «Поешь и уходи».

Шэнь Цинчи: «...»

Действительно, не хотел, чтобы он задержался здесь хоть на секунду.

Но если не хотел его оставлять, зачем тогда укрывал?!

Шэнь Цинчи, чей план провалился, не мог разобраться в собственных чувствах. Он молча взял кусок хлеба — тот, похоже, был слегка обжарен и очень вкусно пах.

Он украдкой взглянул на Шэнь Фана. Тот в точности по порядку выкладывал ингредиенты: сыр, бекон, помидор, яйцо и салатный лист, а сверху прикрывал вторым куском хлеба.

Шэнь Цинчи никогда еще не ел таких аппетитных сэндвичей, и он даже не знал, пробовал ли их когда-нибудь прежний хозяин этого тела.

Они ели в тишине. Шэнь Цинчи тайком разглядывал мужчину, заметив бинты на его правой руке, доходящие до самого запястья. Запах лекарственной мази был еще сильнее, чем вчера, настолько, что даже аромат завтрака не мог его перебить.

Все движения Шэнь Фана — захват тарелки, пользование палочками — выполнялись только левой рукой.

Может ли быть, что Шэнь Фан... всю ночь не спал из-за боли, поэтому среди ночи поднялся проведать его и заодно укрыв одеялом?

Если это так, то его холодное отношение вполне объяснимо. Мало у кого будет хороший настрой, когда мучает боль, и вряд ли захочется болтать с кем-то, с кем толком не знаком.

Поразмыслив, Шэнь Цинчи решил рискнуть: «Тот... дядя, я...»

Шэнь Фан поднял на него глаза.

В этих темных глубинах сквозил неприкрытый холод, от которого Шэнь Цинчи вздрогнул и тут же закрыл рот.

Он поспешно опустил голову и принялся тихо доедать завтрак, не смея произнести ни слова. Когда трапеза закончилась и Шэнь Фан встал, чтобы убрать со стола, Шэнь Цинчи тоже поднялся: «Дядя, я...»

Шэнь Фан бросил на него взгляд, словно не желая слышать никаких просьб. Шэнь Цинчи набрался смелости: «Я хотел сказать, что помогу помыть посуду перед уходом».

Шэнь Фан замер. Шэнь Цинчи тут же ловко забрал у него тарелки.

Он быстро перенес посуду на кухню и начал мыть, а Шэнь Фан, скрестив руки на груди, прислонился к дверному косяку и пристально наблюдал за его спиной.

Спустя долгое время он наконец развернулся и ушел.

Когда Шэнь Цинчи закончил с посудой и вышел из кухни, он увидел, что Шэнь Фан сидит на диване и пьет то самое молоко — его кадык дернулся, когда он проглотил последний глоток.

Выпив молоко, он, казалось, немного смягчился. Поставив стеклянную бутылку на журнальный столик, он кивнул Шэнь Цинчи на дверь: «Когда пойдешь, заодно поставь её в ящик для молока у входа».

«А, хорошо». Шэнь Цинчи решительно кивнул, взял бутылку и, прихватив ту, из которой пил сам, тщательно их вымыл.

Вскоре он собрал свои вещи и сказал Шэнь Фану: «Дядя, я пойду?»

«Угу, водитель ждет тебя снаружи».

Шэнь Цинчи посмотрел на него. Подумал: даже не проводил, хоть бы для приличия встал. Но вслух ничего не сказал и, обхватив бутылки, направился к выходу.

«Подожди», — внезапно окликнул его Шэнь Фан.

Шэнь Цинчи обернулся: «Что такое?»

Шэнь Фан уже успел встать и подошел к нему со спины: «Молния расстегнута».

Шэнь Цинчи услышал, как застегнулся замок рюкзака, и поспешно ответил: «Спасибо».

Он не заметил, как Шэнь Фан мимоходом сунул что-то в боковой карман его рюкзака.

Выйдя из дома, Шэнь Цинчи огляделся и нашел у ворот ящик для молока. Тот был не заперт. Он положил туда бутылки, плотно закрыл дверцу и сел в машину, ожидавшую неподалеку.

Проводив взглядом отъезжающий автомобиль, Шэнь Фан стоял у окна, разминая затекшее тело.

Дождь окончательно стих, небо сияло чистотой, а листва растений казалась обновленной после ливня.

Он медленно размял запястье и прошел в комнату, где ночевал Шэнь Цинчи. Приведя постель в порядок, он вдруг заметил, что в розетке у кровати торчит зарядное устройство.

Шэнь Фан нахмурился.

Он вытащил зарядку, решив вернуть её Шэнь Цинчи в следующий раз, когда будет в гостях у старшего брата.

Затем он открыл окно для проветривания и, подняв взгляд, увидел кое-что на сушилке для белья.

Там висели... э-э... белые трусы.

Шэнь Фан: «...»

Его веки яростно дернулись. Он едва сдержал порыв заставить водителя вернуться, чтобы заставить некоего человека забрать свои вещи.

Этот Шэнь Цинчи...

Почему такой разиня!

Как только Шэнь Цинчи сел в машину, он начал обдумывать свой следующий шаг.

Продолжать навязываться Шэнь Фану было невозможно — по крайней мере, сейчас. Но и возвращаться в клан Шэнь не хотелось. Он думал: может, просто сбежать из дома, пожить в отеле дней двадцать, а потом поехать в университет на регистрацию?

При мысли о начале учебы в университете он внезапно встревожился.

Он поспешно открыл рюкзак, достал кошелек и тут же похолодел.

Конец.

Удостоверения личности при нем не было.

Вчера, когда он собирал вещи, он хотел проверить, всё ли взял, но Чжоу Ванъянь прервал его, и он об этом благополучно забыл.

Он помнил содержание романа: для того чтобы Чжоу Ванъянь смог успешно занять место Шэнь Цинчи в университете, он должен был отобрать у него документы и письмо о зачислении, а затем запереть в доме, чтобы тот не смог связаться с внешним миром. Бедный прежний хозяин не имел даже шанса позвать на помощь, будучи под круглосуточным надзором няньки и телохранителей, не имея возможности сделать и шага за порог. У него отобрали все средства связи, и он жил практически в полной изоляции, продержавшись меньше года, прежде чем умереть от депрессии.

Чжоу Ванъянь на самом деле не был похож на Шэнь Цинчи. Чтобы выдать себя за него, он специально подстригся, сделал макияж, имитирующий черты лица Шэнь Цинчи, и после всех манипуляций стал отдаленно его напоминать. Фотография в удостоверении Шэнь Цинчи была сделана в шестнадцать лет, что давало Чжоу Ванъяню повод ссылаться на возрастные изменения.

Родители Шэнь упорно твердили, что Чжоу Ванъянь и есть Шэнь Цинчи. Они даже потратили немало денег, чтобы тайно сделать для Чжоу Ванъяня силиконовую накладку с отпечатками пальцев Шэнь Цинчи, благодаря чему тот прошел идентификацию, и в университете ни о чем не догадались.

После смерти настоящего Шэнь Цинчи Чжоу Ванъянь окончательно занял его место.

Процесс признания Чжоу Ванъяня сыном проходил в строжайшей тайне, об этом не знал никто, кроме самих членов семьи Шэнь. Для внешнего мира в семье Шэнь всегда был только один сын — Шэнь Цинчи, и никто не знал, что подмена произошла на полпути.

Что касается тех, кто видел настоящего Шэнь Цинчи и потом встречал Чжоу Ванъяня — автор просто «отключал» им интеллект, утверждая, что они не замечали подвоха.

Этот абсурдный сценарий вызывал у Шэнь Цинчи тошноту. Прежний хозяин тела ушел из жизни в полном забвении, и, кроме тех, кто извлек из этого выгоду, никто даже не узнал о его смерти.

Единственный человек, который мог бы разоблачить их — Шэнь Фан, — был убит Чжоу Ванъянем.

Вспомнив об этом, Шэнь Цинчи поднял голову и застегнул молнию на рюкзаке.

Документов нет, письма о зачислении тоже. Согласно воспоминаниям, он хранил письмо в

ящике комода в своей комнате. Ящик был с замком, но когда он собирал вещи, он открывал его и не нашел там письма.

Неизвестно, подводила ли его память или он плохо искал, но в любом случае ему придется вернуться в дом Шэнь.

Удостоверение можно восстановить, но письмо о зачислении — нет.

Без него он не сможет подать документы в университет.

Машина вскоре подъехала к дому Шэнь Цзина. Шэнь Цинчи вышел и в одиночку вошел внутрь.

Едва переступив порог, он услышал, как резкий женский голос вонзился, словно нож: гневные крики Чжу Чжэнцзюань приближались. «Шэнь Цинчи! Куда ты пропадал? Ты еще помнишь дорогу домой?!»

Шэнь Цинчи, опустив голову, переобувался, игнорируя её вопли, и, подхватив рюкзак, направился к своей комнате.

«Стой, кому говорят!» Чжу Чжэнцзюань в ярости преградила ему путь, схватила за лямки рюкзака и силой дернула назад. Она ткнула ему пальцем в лицо, осыпая бранью: «Снова притворяешься глухим? Совсем обнаглел, решил сбежать из дома! Еще и телефон отключил! Если бы твой дядя утром не позвонил и не сказал, что ты у него, мне что, в полицию идти заявлять о пропаже?!»

Шэнь Цинчи взглянул на неё, отпустил рюкзак и снова зашагал вперед.

Чжу Чжэнцзюань не ожидала, что он просто отпустит сумку. Рюкзак с глухим звуком ударился об пол, а Шэнь Цинчи уже быстрым шагом дошел до своей комнаты и запер дверь на ключ.

Комната прежнего хозяина была очень скромной: учебные принадлежности, огромный книжный шкаф во всю стену, набитый книгами всех видов.

Женщина за дверью принялась исступленно колотить в дверь. Шэнь Цинчи сделал вид, что ничего не слышит, нашел ключ и открыл ящик комода.

Письма о зачислении действительно не было.

Письмо из Цинского университета было крупным, с обложкой синего цвета — его невозможно было не заметить. Если бы оно было там, он бы сразу его увидел. Теперь же оно исчезло.

Снаружи продолжала бушевать Чжу Чжэнцзюань: «Шэнь Цинчи! Еще и дверь запер! Решил бунт поднять? Этот дом стал для тебя тесен?!»

Шэнь Цинчи начал искать в других местах: у изголовья кровати, под матрасом, на рабочем столе, на полках... он проверил всё — даже ванную и балкон — но нигде не нашел заветного конверта.

Раз его нет в комнате, значит, его кто-то забрал.

Его взгляд стал холодным. В этот момент он услышал голос Чжу Чжэнцзюань: «Только попробуй дождись!»

Шэнь Цинчи взял с полки несколько книг подходящего размера, пролистал их — ничего. Он окончательно оставил попытки, вернул вещи на место и тут же услышал, как в дверь вставили ключ.

Дверь открылась.

Чжу Чжэнцзюань ворвалась в комнату с покрасневшим от ярости лицом, готовая разорвать его на части: «Что это значит? Решил пойти против матери? Как я могла воспитать такое ничтожество! Опозорил меня перед Шэнь Фаном, доволен? Что ты ему наговорил? Жаловался, что я плохо с тобой обращаюсь, что я предвзята к Чжоу Ванъяню и холодна к тебе? Отвечай!»

Услышав это, Шэнь Цинчи поднял голову.

Сын провел ночь в доме дяди после того, как сбежал в ливень, а эта мать беспокоилась не о том, не промок ли он, не заболел ли, а о том, что он опозорил её перед посторонними и наговорил гадостей.

Стоило ли вообще поддерживать такие отношения?

Впервые с момента возвращения он посмотрел ей прямо в глаза, голос его звучал тихо, почти невесомо: «Какая тебе разница, что я сказал?»

«...Что?» — Чжу Чжэнцзюань замерла. — «Ты мой сын, как мне может быть все равно?!»

«Я твой сын?» — Шэнь Цинчи склонил голову, и на его красивом лице отразилась предельная невинность. — «Ты хоть когда-нибудь в глубине души считала меня своим сыном?»

«Ты...»

Чжу Чжэнцзюань остолбенела, словно не веря, что подобные слова могли ислететь из уст Шэнь Цинчи. Прошло несколько секунд, и её шок сменился еще более яростным гневом. Она замахнулась, чтобы ударить его по лицу.

Раздался хлопок — Шэнь Цинчи крепко перехватил её запястье, остановив удар в воздухе.

Чжу Чжэнцзюань не ожидала, что он осмелится перечить, а тем более — дать отпор. В её представлении сын всегда был послушным, никогда не капризничал, не злился, беспрекословно исполнял её волю: она говорила одно — он никогда не делал другого.

Но постепенно она начала замечать, что эта покорность граничит с слабохарактерностью. Говорят, у храброго отца не бывает трусливого сына, но Шэнь Цинчи совсем не походил на отца, в нем не было ни капли жесткости семьи Шэнь.

Он не был похож на них внешне, не был похож характером. Слухи ползли, и однажды она не выдержала — взяла волосы Шэнь Цинчи и втайне сделала тест на отцовство, обнаружив, что он им не родной.

Она была в ярости. Поняла, что все эти годы воспитывала чужого ребенка, да к тому же — безнадёжного слабака, который никогда ничего не добьется.

Она возненавидела его. Ей хотелось вернуть своего родного сына, и она перестала скрывать неприязнь. Она кричала на него, обзывала последними словами, но вскоре заметила, что ребенок не сопротивляется — кроме печального выражения лица, он не произносил ни слова в ответ.

Она всегда думала, что это и есть весь «Шэнь Цинчи».

Но сегодня, сейчас, она вдруг почувствовала, что этот ребенок, которого она растила восемнадцать лет, стал ей чужим. В его глазах она увидела эмоции, которых никогда не было раньше.

Никакой печали, никакой обиды — только предельное равнодушие, холодное до грани отчужденности.

Словно она вовсе не была для него «матерью», а была лишь чем-то незначительным.

Она дрожала от ярости, с силой вырвала свою руку и долго указывала пальцем на Шэнь Цинчи, не в силах вымолвить ни слова.

Шум ссоры привлек Шэнь Цина. Он поспешил их разнять и начал привычно сглаживать углы: «Что вы творите? Цинчи, как ты разговариваешь с матерью?»

Шэнь Цинчи: «Она первая начала меня оскорблять».

Шэнь Цзин: «То, что она кричит, — неправильно, я извинюсь за неё. Но она — твоя мать, она желает тебе добра. Как ты можешь так с ней говорить?»

«Когда она оскорбляет меня сотню раз, вы делаете вид, что не слышите. Стоит мне ответить хоть раз — вы тут же прибегаете разнимать нас и поучать, как я должен себя вести, так?»

Шэнь Цинчи смотрел ему прямо в глаза. — «Кажется, вы ошибаетесь».

Шэнь Цзин нахмурился: «В чем?»

«Она мне не мать, а вы — не отец. У вас нет права меня учить». Шэнь Цинчи произнес это тихо. — «Чжоу Ванъянь — вот ваш настоящий сын».

Лицо Шэнь Цина резко изменилось.

Этот «улыбающийся тигр» наконец перестал улыбаться. Он поднял дрожащую руку, указывая на Шэнь Цинчи: «Неблагодарный... Неблагодарный сын! Раз ты смеешь говорить такие вещи, тогда... тогда убирайся из этого дома!»

«Хорошо», — Шэнь Цинчи только этого и ждал. На его лице не было ни тени страха, наоборот, он улыбнулся. Он снова перевел взгляд на Чжу Чжэнцзюань и протянул к ней руку: «Но перед этим верните мне мое удостоверение личности и письмо о зачислении, хорошо, тетя?»

<http://bllate.org/book/21917/2277168>